

В. А. Мазур

**«ТРОЦКИСТ СОКОЛОВ»
К 110-летию со дня рождения ректора
Уральского университета А. С. Соколова**

Летом 1931 года президиумом Уральского областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в адрес Народного комиссариата просвещения РСФСР была отправлена докладная записка. В ней, в частности, говорилось: «Широко развернувшееся строительство Урало-Кузнецкого комбината и коренная реконструкция всех отраслей народного хозяйства области предъявляют огромный спрос на научные силы различных специальностей и квалификаций. Наличный состав научных сил ни в какой степени не удовлетворяет потребностей уральского хозяйства и культурного строительства как в кадрах исследовательских работников, так и кадрах преподавателей высшей школы. Если через некоторое время существующие на Урале исследовательские институты, высшие технические заведения и высшие учебные заведения, построенные на основах узкой специализации, смогут до известной степени, путем подготовки аспирантуры, удовлетворить потребности в научных силах узкопроизводственных специальностей, то до сих пор на Урале почти не существует учреждений, которые готовили бы исследовательские кадры в области естественных наук. Учреждением, которое могло бы заниматься подготовкой аспирантов в области математики, физики, биологии, географии, является Пермский педагогический институт. Однако: 1) Пермский педагогический институт имеет в качестве непосредственной своей задачи подготовку преподавателей школы; 2) ряд кафедр Пермского педагогического института имеет состав работников, недостаточно обеспечивающих необходимое качество подготовки кадров высшей квалификации; 3) не в состоянии обеспечить марксистско-ленинского методологического руководства. Из этого следует необходимость организации на Урале университетского типа учебного заведения, в задачу которого входила бы подготовка: а) исследовательских кадров в области естественных наук; б) преподавателей высшей школы по общеобразовательным дисциплинам, являющимся базой специально-технической подготовки (математика, физика). Потребность в работниках этого типа особенно обострена в связи с быстрыми темпами развертывания на Урале вузов.

* В издательстве Уральского государственного университета готовится к печати сборник очерков В. А. Мазур «Ректоры Уральского государственного университета». Предлагаем вниманию читателей фрагмент из этой книги. Все цитируемые в очерке документы публикуются впервые.

© В. А. Мазур, 2005

В настоящее время имеется: вузов — 15, сельскохозяйственных вузов — 2, педагогических вузов — 3, медицинских вузов — 2, Коммунистический вуз и отделение Промышленной академии. Президиум Уральского областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов считает наиболее целесообразным развертывание университета не в Перми, а в Свердловске.

1) Университет, подготавливающий кадры теоретических работников, преподавательский состав высшей школы, должен иметь широкие и прочные связи с основными базами нового промышленного строительства и социалистического сельского хозяйства, с высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими учреждениями различных специальностей, а также хозяйственными организациями; все эти связи могут быть осуществлены в Свердловске, в центре крупнейших новостроек Урала (на юге — Магнитогорск, Челябинск, Челябинская государственная районная электростанция, Бакальский металлургический завод; на севере, северо-востоке, северо-западе — Тагилстрой, Уралмедьстрой, Стальмост, Березники; вблизи — УЗТМ; на востоке — основные колхозные районы Зауралья и крупнейшие совхозы; из Свердловска легче всего связь с вузами Урала (Пермь, Тюмень, Челябинск, Златоуст, Троицк, Магнитогорск); в Свердловске сосредоточена основная масса научно-исследовательских институтов...

2) Нахождение университета в Свердловске обеспечит постоянное и неослабное методическое руководство его научной и учебной работой ввиду близости Уральского отделения Коммунистической академии...

4) Университету в Свердловске может быть обеспечена прочная база как со стороны лабораторного оборудования, так и обслуживания научными силами; в течение первых лет такой базой смогут являться вузы Свердловска. Особенно мощным подкреплением для научной работы университета в области физики и для обеспечения его профессорско-преподавательским составом высшей квалификации будет являться организуемое в Свердловске отделение физико-технического института академика А. Ф. Иоффе...»¹

13 октября 1931 года постановление об организации в Свердловске университета в составе отделений — физического, химического, механико-математического, геологического и астрономо-геодезического Совнаркомом РСФСР было принято². На пост директора вновь создаваемого вуза нашли самого образованного в нашем городе коммуниста-историка, бывшего помощника директора Пермского университета Анатолия Сергеевича Соколова. Анатолий Сергеевич окончил в 1917 году историческое отделение историко-филологического факультета Московского государственного университета. Прошел курс Археологического института по археологическому отделению. Работал у известнейших ученых М. М. Богословского, Ю. В. Готье, М. К. Любавского. Даже заведующий Уральским отделом народного образования И. А. Перель имел более скромную подготовку: Виленский учительский институт.

Анатолий Сергеевич Соколов родился 8 сентября 1895 году в с. Покровское-Раменье Ярославской губернии. Его отец, священник, перевез в 1903 году семью в Омск, где Анатолий Сергеевич и окончил в 1913 году мужскую гимназию.

Драматическая история превращения аполитичного, религиозно-настроенного мальчика в воинствующего атеиста, сочувствующего большевикам, описана Анатолием Сергеевичем в автобиографии. Приведем отрывки из нее: «Время, которое я провел в университете, было очень глухим: это был период после кассовского разгрома университетов в 1911 году. Вся “общественная жизнь” студенчества выливалась, главным образом, в форму разного рода “экономических” организаций: общество взаимопомощи, издательские общества и т. д. В этого рода студенческой общественной жизни я принимал деятельное участие: активно работал в качестве члена правления в обществе взаимопомощи, в Московском “студенческом издательстве”. В связи с войной 1914—1918 годов в студенческих кругах наметились два течения: оборонческое и пораженческое. Каждому из нас приходилось тогда выбирать ту или иную позицию в вопросе об отношении к войне. Эта необходимость определить свое отношение к жгучему вопросу текущей жизни и была, насколько я помню, первым толчком к моему политическому пробуждению. До этого времени, как и огромное большинство моих товарищей, пребывал в политической спячке. После долгих размышлений, споров и колебаний я примкнул к пораженчеству, мотивируя свою позицию тем, что военное поражение будет политическим поражением самодержавия и ускорит революцию. Дальше этого моя политическая мысль тогда не шла. Мне удалось весьма счастливо избежать мобилизации в военное училище: когда брали первокурсников, я был на втором курсе, когда стали брать второй курс — я оказался на третьем и т. д. Февральская революция, естественно, должна была очень сильно двинуть вперед наше политическое развитие. Приходилось разбираться в речах, мнениях, газетных статьях. Но и тогда еще мои политические представления были в достаточной степени смутны...

Чтобы понять обстановку, в которой нам приходилось расти, надо представить себе атмосферу историко-филологического факультета перед октябрём. Самым левым направлением в профессуре того времени было октябристское; студенчество составлялось в значительной степени из двух элементов: 1) это были помещичьи сынки из черноземной и степной полосы, которым не приходилось думать о работе ради заработка; эти шли в университет ради “общего развития”, изучая поэзию, литературу, греческую или римскую философию, философию Канта и т. п.; 2) это были выходцы из мелкобуржуазной интеллигенции (а ведь пролетарской интеллигенции у нас тогда и не было), которые шли в университет для того, чтобы стать потом учителем гимназии или реального училища. Что касается первых, то политическое настроение их во время войны выражалось формулой “война до победного конца” (или “война — до Берлина”) и “долой всех, кто мешает организации победы”. (Под

“всеми” разумелись, конечно, работники революции прежде всего). Вторые до революции еще частью примыкали к “помещикам” под видом “обороны”; частью отошли в лагерь пораженчества. После революции политический язык “помещичьих сынков” обогатился фразами из правых газет о “демагогии”, “предательстве”, “измене” и, наконец, о “шпионаже” большевиков... Когда стал вопрос об отношении к большевикам, разница между “помещиками” и “оборонцами” стерлась окончательно: они слились в плотную и преобладающую на факультете группу. “Пораженцы” также эволюционировали. Часть их, менее захваченная революцией, говорила, что если поражение нужно было при царе, чтобы нанести политический удар самодержавию, то теперь революционная Россия (и тут обязательно добавляли, “подобно революционной Франции”) должна отстоять себя от немецкого империализма и обороняться. Наше крыло пораженчества, перестав быть, само собой разумеется, пораженцами, стояло за скорейшую ликвидацию войны, “чтобы революция могла внутренне укрепиться”. Таким образом, наша политическая группа, сохранив интеллигентскую фразеологию во всем ее блеске, все же по существу стояла ближе к подлинному марксизму, чем все остальные, кричавшие о марксизме... В отношении большевистской тактики наше кредо “ликвидаторов” войны колебалось: вполне присоединяясь к большевикам в отношении войны, нам как-то боязно было расстаться с мыслью о “демократии” и “всеобщем равенстве”...

Я был против наступления 18 июня, понимал, что после июльских дней начинался разгул генеральской реакции, правильно понял Корниловское выступление как попытку установить диктатуру “бронированного кулака”. В момент Октябрьского переворота, затянувшегося в Москве, как известно, на целую неделю, я стоял в стороне. Нечего, конечно, от едва начавшего полити-

А. С. Соколов, ректор Уральского университета (1931—1932). С фотографии 1913 г.

чески прозревать студента требовать, чтобы он шел в Красную гвардию, и то хорошо, что он не стал в ряды Белой гвардии. А ведь добрая половина нашего курса ушла именно туда³.

Вскоре после Октябрьской революции я уехал в Омск, где жил отец. Я занялся преподавательской работой на Атаманском хуторе (так назывался тогда пристанционный поселок, теперь — город Ленинск) [написано в 1924 г. — В. М.]. Октябрьская революция дала возможность широко развернуть внешкольно-просветительскую работу, поэтому недостатка в работе не было. С декабря 1917 года я впервые выступил в качестве преподавателя географии на общеобразовательных курсах В. М. Васильева (член РКП (б) с 1920 г.). В марте 1918 года внешкольным отделом Омской железной дороги были организованы курсы для рабочих, на которых я преподавал историю. С весны 1918 года курсы Васильева переданы были в культурно-просветительный отдел Омской железной дороги и преобразованы им в гимназию для взрослых (вечернюю) с четырехгодичным сокращенным курсом. Я был назначен заведующим этой школой, параллельно вел преподавание истории.

С осени 1918 года, кроме гимназии взрослых, я читал эпизодически лекции и небольшие курсы лекций, на которые собиралось до 200 и более человек рабочих железнодорожных мастерских. Тема лекций: по истории классовой борьбы и русского революционного движения. В то же время преподавал историю в школах для детей.

Этот год (1918—1919) определил окончательно мое политическое мировоззрение. Если я с марксизмом был знаком еще на студенческой скамье, то надо откровенно сознаться: многое из него мне оставалось непонятным, многое было для меня только теорией. Я тогда увлекался марксизмом, как очень красивой по своей стройности и внутреннему единству схемой. Я стал понимать марксизм после корниловщины, после Октября. И окончательно понял сущность марксизма после чешского переворота и после Марьяновки⁴. За время моей работы на курсах для рабочих, в гимназии для взрослых я сблизился впервые с рабочим миром и отдельными рабочими. Впервые я проникся настроениями этого мира, слился с ними, когда многие из моих учеников не вернулись из-под Марьяновки, многим пришлось скрыться, а оставшиеся кипели злобой против победителей.

Чем больше развертывалась сибирская реакция, чем больше нагледела атаманщина и колчаковщина, тем более ясной становилась для меня марксистская теория в ее целом, с ее учением о “диктатуре пролетариата”. “Демократические” и “свободолюбивые” (чтобы для всех была равная свобода) настроения у меня как рукой сняло.

Помню один факт, который как-то особенно ярко подчеркнул, что значит диктатура класса. В гимназии, которой я заведовал, преподавала жена колчаковского генерала Лящика (начальника 11-й дивизии). Наслышавшись от жены о моих лекторских талантах, этот генерал пригласил меня прочесть лекцию для солдат его дивизии. Я согласился... Он попросил что-нибудь о ца-

рях. Я выбрал Ивана Грозного. Лекция состоялась. Подобрал я серию хороших диапозитивов насчет того, как насильничал Грозный. Рассказал пару хороших случаев из его правительственной практики, а затем вывел мораль: смотри, ребята, что бывает, когда в государстве “цари” сидят! (Колчак тогда уже был!) После лекции мне стороной передавали, что генералу моя лекция понравилась, не понравилось только, что я в солдатскую массу ввожу “политику”, так как армия должна быть “аполитичной”. После этого меня больше не приглашали, а контрразведка установила надзор. Уж очень ясно как-то этот случай мне показал, кому и для чего нужно, чтобы солдатская масса была и “святой”, и “серой”, и “скотинкой”...

Случай, который также очень отчетливо подтвердил для меня правоту большевизма, — это расстрел красильниковцами⁵ пяти рабочих среди бела дня перед конторой Омских главных железнодорожных мастерских. В числе расстрелянных был наш “городской голова” (Атаманский хутор тогда стал из пригорода городом со своим самоуправлением) товарищ Рассохин, человек очень чуткий к нуждам просвещения, бывший нам, просвещенцам, очень близким⁶.

В конце марта или в апреле 1919 года по “мобилизации цензовиков” я должен был явиться в армию. 5 мая я попал рядовым в 44-й Сибирский стрелковый полк. Пробыл я здесь недолго — месяц. Мы, небольшая кучка противокочаковцев, скоро провели среди солдат соответственные случаю разговоры. Кто-то кому-то об этом шепнул, нас рассортировали. Меня пересадили в более “безопасное место” — в штаб дивизии в качестве “молодого солдата, прикомандированного к штабу 11-й дивизии для письменных занятий”. Там мое “письменное занятие” в штабе сначала дивизии, а потом обоза тянулось до самого взятия Омска Красной армией (14 ноября 1919 года). На 12 ноября была назначена эвакуация обоза из Омска, меня отпустили домой для сборов, я ушел и больше в армию Колчака не вернулся.

После восстановления советской власти в Омске у нас закипела работа. Школы быстро восстанавливались. Когда организовался на Атаманском хуторе районный отдел народного образования, я был назначен заведовать внешкольным подотделом⁷.

С февраля 1920 года я — инструктор по внешкольному подотделу Сибирского областного отдела народного образования. Летом 1920 года во внешкольном подотделе возникла мысль — организовать в г. Усть-Каменогорске для Западного Алтая крестьянский университет по типу народных университетов. С этой целью я вместе с тремя другими товарищами лекторами был отправлен туда. В течение июня-августа я работал на курсах по внешкольному образованию и на учительских курсах, а с осени началась работа в Алтайском крестьянском университете (заведующим учебной частью). Одновременно с этим вел работу в педагогическом техникуме, уездной партийной школе и, что меня особенно захватило, в качестве члена ячейки содействия рабоче-крестьянской инспекции.

В марте 1921 года я поехал в Омск за литературой для университета. В Сибнаробразе в это время переменились люди, переменились и настроения. Пахло в воздухе НЭПом, руководители просвещенческой работой чувствовали, что приходят тугие времена и старались укрепиться лишь на старых, прочных позициях. Эта задача, естественно, требовала не разбрасывания сил, а их концентрации. Когда я приехал в Сибполитпросвет и сделал доклад об университете, там сочли за благо меня оставить работать в Сибполитпросвете. Там развертывался научно-популяризаторский подотдел, куда меня посадили сначала в качестве инструктора, а через две недели — в качестве заведующего. Одновременно продолжал читать лекции в Институте народного образования. Осенью 1921 года вместе с Сибполитпросветом переехал в Новониколаевск... При нашем сотрудничестве агитпроп Сибирского бюро ЦК РКП взялся за издание учебника политграмоты в тезисах. Многие из глав этого учебника написаны мною. <...> Преподавал историю культуры в Новониколаевском педагогическом техникуме, в партийной школе⁸. С февраля 1922 года — заместитель заведующего Сибполитпросвета... Участвовал во всех заседаниях коллегии агитпропа Сибирского бюро ЦК РКП. Так постепенно я втягивался в партийную работу, и партия втягивала меня в себя...»⁹.

В апреле 1923 года А. С. Соколов был принят кандидатом, а в сентябре 1925 года — членом РКП (б). «Считая основным своим долгом непосредственную педагогическую работу, — пишет далее Соколов, — я, сидя на административно-организаторском месте, чувствовал себя не в своей тарелке... Как областной инспектор народного образования должен был очень часто из Новониколаевска отлучаться в губернию... Это срывало мою педагогическую работу. С большой охотой в мае 1923 года согласился на предложение ректора Сибирского коммунистического университета т. Шапиро перебраться в университет в качестве преподавателя истории». В университете (с декабря 1923 года он назывался Урало-Сибирским коммунистическим университетом и располагался в Екатеринбурге) Анатолий Сергеевич участвует в разработке учебных программ курсов истории России и РКП(б), методики их преподавания, заведует историческим кабинетом, а в 1925 году назначается проректором по учебной части.

«Что касается биографии личной, — исповедуется Анатолий Сергеевич, — то здесь могу отметить один наиболее острый для меня момент. Это — разрыв с отцом в сентябре 1919 года на почве отношения к колчаковщине и советской власти; немалую роль в этом разрыве сыграла и моя работа в области антирелигиозной пропаганды. Православный поп, человек старого закала, отец, естественно, не мог примириться с красной властью, лишившей церковь ее официально-преимущественного положения в стране, а его лично — казенного жалованья, казенной квартиры, бесплатных проездных билетов (он служил в “железнодорожной” церкви при станции Омск) и пр. ...После одного очень бурного “политического” разговора я от отца уехал. Этому разрыву способствовало еще и то, что, приехав на станцию Омск, я сначала среди сво-

их учащихся, а затем в 1917 году и среди широких слоев железнодорожных рабочих повел антирелигиозную пропаганду. Помню весной 1919 года, придя с одной из “исповедей” в Великом посту, отец позвал меня к себе и рассказал, что у него на исповеди была одна из моих учениц, плакала, металась и говорила, что до тех пор у нее никаких религиозных сомнений не было, а теперь, после моих бесед с ними в школе, она не находит себе места. У меня, что называется, “сердце взвыло”, а отец потребовал, чтобы я прекратил пропаганду и не “развращал” его “духовных детей”. Грозил, как водится, проклятием. На меня это не подействовало...»¹⁰.

В 1923—1924 годах по заданию агитпропа Сибирского бюро ЦК РКП(б) Соколов написал учебник для партийных школ под заглавием «Три революции. Очерк истории революционного движения в России в XX веке». В 1924 году эта книга тиражом в 10 тыс. экз. вышла в екатеринбургском издательстве «Уралкнига». Она не была произведением зрелого ученого. Вопросы становления и развития капиталистического общества, подъемов и кризисов капиталистического производства в России излагались по М. И. Туган-Барановскому и М. Н. Покровскому. История трех революций в России давалась по Л. Д. Троцкому, который обильно цитировался, особенно при описании событий 1917 года. Автор честно знакомил читателей с документами, исходящими из враждебных политических лагерей (манифестами Николая II, приказами А. И. Деникина и т. п.), различными точками зрения историков на события политической жизни России. Роковым для Анатолия Сергеевича было упоминание среди вождей большевиков арестованных в июле 1917 года Временным правительством Л. Б. Каменева и Л. Д. Троцкого. Это, а также финал книги, где Соколов приводит высказывание В. И. Ленина о том, что победоносный социализм будет создан лишь в результате революционного сотрудничества пролетариев *всех* стран¹¹, дало основание отнести Анатолия Сергеевича к числу троцкистов. Но этот гром грянет в 1932 году, когда местные партийные лидеры, напуганные заявлением И. В. Сталина, что либерализм в отношении троцкизма есть головотяпство, граничащее с преступлением, будут шарахаться от одного упоминания имени Троцкого. До этого Соколов успеет поработать два года заведующим подотдела пропаганды отдела пропаганды и агитации Уралобкома ВКП (б) (1926—1927), доцентом, заведующим кафедрой русской истории (1927—1928), деканом педагогического факультета (1928—1929), помощником директора по научно-учебной части (1930) Пермского университета, заведующим научно-методическим сектором Уральского отдела народного образования (1930—1932), заведующим кафедрой социально-экономических наук Уральского индустриально-педагогического института (1930—1932) и, наконец, директором Свердловского университета (14 ноября 1931 — 3 января 1932 года).

Организационное бюро, занимавшееся подготовкой открытия Свердловского государственного университета, впервые собралось 30 октября 1931 года. В него вошли, кроме Анатолия Сергеевича Соколова, заведующий сектором

кадров Уральского отдела народного образования А. Н. Сухов, ответственный за хозяйственную часть университета А. Ф. Плотников и профессор Пермского педагогического института В. А. Кондаков. Возможно, Вадим Александрович Кондаков был приглашен Анатолием Сергеевичем Соколовым. Бывший декан педагогического факультета Пермского университета А. С. Соколов хорошо знал преподавателя географии этого же факультета В. А. Кондакова, который славился как блестящий лектор. Его выступления «были прекрасны по форме и логике, очень насыщены содержанием и отличались какой-то эмоциональной приподнятостью. Они доставляли удовольствие, от них оставалось впечатление чего-то необычного и праздничного»¹². В 1945 году Кондакова избрали членом-корреспондентом Академии педагогических наук. В первый год существования Свердловского университета Вадим Александрович был деканом геолого-географического факультета и читал курс «Общей геологии».

По инициативе Анатолия Сергеевича Соколова члены оргкомитета обратились с письмом к директорам научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, ученым Свердловска с просьбой обсудить вопросы о структуре новорожденного университета и помощи ему¹³. Соколов написал на эту тему статью, которая во многом повторяла текст докладной записки Уральского областного исполнительного комитета по поводу открытия Свердловского университета. Статья была напечатана в «Уральском рабочем» 20 ноября 1931 года. Вопрос о точном профиле подготавливаемых университетом специалистов был решен лишь в начале 1934 года. В октябре же 1931 года был объявлен прием на отделения: механико-математическое, физико-техническое, геолого-минералогическое, географическое и астрономо-геодезическое¹⁴. Нерешенность вопроса о специализациях приводила к трудностям комплектования педагогических кадров. К декабрю 1931 года на работу в университет смогли пригласить 14 преподавателей, причем почти все они были совместителями¹⁵. Сложно было найти кандидатуры на должности ведущих кафедр. Их в то время было шесть: математики, физики, общей химии, геологии, общего земледования и экономической географии, черчения.

Собственной материальной базой университет не располагал. Ему выделили 6 комнат в Институте красной профессуры (ул. 8 Марта, 66) и 50 мест в общежитии областного отдела народного образования. Кабинетов, лабораторий не имелось. Было настолько тесно, что даже директор университета, его помощник размещались на хорах актового зала. Стоимость имеющегося оборудования оценивалась в 1,7 тыс. руб. Книжный фонд библиотеки составлял 8 тыс. томов¹⁶. К декабрю 1931 года Наркомпросом было выделено университету 188 834 руб.¹⁷ Этого было недостаточно. Соколов намеревался отправиться в Москву и Ленинград для постановки в Народном комиссариате просвещения вопроса о немедленном внеплановом снабжении университета. Дирекция начала разрабатывать план строительства университетского

городка. Предполагалось, что к осени 1933 года будет окончено строительство основного учебного корпуса и двух домов для 100 семей преподавателей, к октябрю 1934 году построят четыре общежития на 4 тыс. человек¹⁸. Однако ни в 1931, ни в 1932 году на капитальное строительство Наркомпросом не было выделено ни копейки. Видимо, это было связано со срывом выполнения первого пятилетнего плана.

Обеспечить набор студентов новорожденного университета было поручено Анатолию Сергеевичу Соколову. В конце ноября 1931 года на заседании руководителей кафедр университета Соколов докладывал, что при плановом контингенте в 240 человек принято 230 человек, причем 76 % из них рабочие, колхозники, батраки¹⁹. Однако реально к занятиям 25 декабря 1931 года приступило лишь 80 человек, в январе эта цифра увеличилась до 182. Дирекция университета была вынуждена предлагать уже зачисленным иногородним студентам воздерживаться от приезда в Свердловск до персонального вызова ввиду отсутствия общежитий. Ими было обеспечено лишь 25 % общего числа студентов. Студенты, приехавшие без персонального вызова, неделями ночевали на железнодорожном вокзале. Среди учащихся университета выходцы из рабочих и крестьян составляли 49 %²⁰ (а не 76 %, как обещал Соколов), коммунисты и комсомольцы — 29 %²¹ вместо обещанных директором 32 %. Коммунистов было всего 13 человек.

Занятия начались с чтения лекций по математике, физике, геодезии, немецкому языку²². В будущем предполагалось, конечно, проводить и практические занятия, используя при этом лаборатории других вузов Свердловска. В основу учебных планов руководители университета собирались заложить соотношение между теорией и практикой 3 : 2²³. Но партийная и комсомольская ячейки университета заклеили такие планы как троцкистские²⁴. Особенное возмущение вызвала позиция заведующего механико-математическим отделением А. В. Олышванга. Вот как излагались его взгляды на страницах газеты «Горняк»: «...Наука не может быть классовой... в математике есть много такого, что не может иметь никакого прикладного значения, но что очень важно для полноты самой математики... наука не пользуется вниманием советской власти...»²⁵ За подбор преподавательских кадров отвечал директор. В результате он был обвинен в развале работы Свердловского университета, а также в пособничестве реакционной профессуре Пермского университета.

1 января 1932 года общее собрание ячейки ВКП (б) Уральского отдела народного образования принимает решение исключить «троцкиста» Соколова из рядов ВКП (б), освободить его от заведования научно-методическим сектором Уральского отдела народного образования, кафедрой социально-экономических дисциплин Уральского индустриально-педагогического института, руководства «Обществом педагогов-марксистов», поставить вопрос об увольнении из Свердловского государственного университета и редакции «Уральской советской энциклопедии»²⁶.

Анатолий Сергеевич еще на что-то надеется. 2 января 1932 года в записке, адресованной членам бюро ячейки ВКП (б) Уральского отдела народного образования, он объясняет, что видел свою задачу на посту декана педагогического факультета Пермского университета «в высвобождении из-под влияния реакционной профессуры молодой части научных работников и привлечении к нам тех из “стариков”, которые казались небезнадежными в смысле подчинения их нашему влиянию»²⁷. Однако в постановлении бюро Уралобкома ВКП (б) от 7 декабря 1931 года деятельность А. С. Соколова в Пермском университете оценили как сползание с партийно-классовых позиций, давшее «возможность группе реакционной профессуры перейти в наступление на генеральную линию партии и советской власти»²⁸. Видимо, это наступление заключалось в сетованиях заведующего кафедрой русской литературы Пермского университета, известного фольклориста, этнографа, краеведа и литературоведа профессора П. С. Богословского на «разрушение старинного бытового уклада с его песенной традицией»²⁹ и в его же заявлении, что одной из основных задач истории русской литературы является изучение апокрифических сочинений³⁰.

В программе вузовского курса «История народов СССР», в школьных учебниках, разрабатываемых при участии А. С. Соколова, партийные органы увидели игнорирование классовой оценки исторических событий, отсутствие увязки исторического материала с современностью и прежде всего отсутствие классовой непримиримости к кулачеству.

2 января 1932 года на собрании бюро ячейки ВКП (б) Анатолий Сергеевич в отчаянии заявляет: «Большевиком, таким, как мы понимаем большевика, я не был; постоянные вывихи, колебания, сдача позиций, желание обойти острые больные вопросы, примиренчество — это, конечно, не большевизм. В некоторых случаях я шел на борьбу, но я не помню ни одного случая, где бы я с резкостью поставил вопрос...»³¹

На следующий день он добавляет: «Хочу ли я исключения из партии? Не хочу. Могу ли я исправиться? Если бы была возможность работать в партии, я бы исправился. Я считаю теперь себя свободным от системы троцкистского мировоззрения»³².

Видимо, Соколову все-таки вернули партийный билет. Это следует из последнего найденного нами в газете «Вечерняя Москва» от 8 ноября 1991 года сообщения об Анатолии Сергеевиче Соколове. Вот оно: «А. С. Соколов. Член ВКП (б). Образование высшее. Доцент Горьковского педагогического института. Арестован 22 февраля 1936 года. Расстрелян 3 октября 1936 года. Кремирован и тайно захоронен в могиле № 1 Донского кладбища (Москва)».

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), ф. 4, он. 9, д. 1058, л. 176—177.

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 2110 р, оп. 2, д. 1, л. 158; Культурное строительство на Среднем Урале: Сб. док., 1917—1941. Свердловск, 1984. С. 247.

³ В 1917 году А. С. Соколов служил архивариусом в главном комитете Всероссийского земского союза.

⁴ 3—7 июня 1918 года в районе железнодорожной ст. Марьяновка, вблизи Омска, отряды красногвардейцев-железнодорожников вели ожесточенные бои с подразделениями мятежно-го чешского корпуса. Сторонники советской власти потерпели поражение. 7 июня 1918 года части Красной армии оставили Омск.

⁵ Красильниковцы — бойцы карательного отряда, которым командовал И. Н. Красильников (1888—1920) — есаул царской армии, войсковой старшина казачьего партизанского отряда (1918), колчаковский генерал (1919).

⁶ Рассохин, Линченко, Петров, Пьянзов, Шевченко — члены стачечного комитета рабочих омских железнодорожных мастерских. Расстреляны 19 октября 1918 года. Требования забастовщиков — восстановление закона о 8-часовом рабочем дне, повышение зарплаты, передача профсоюзам права приема на работу и увольнения рабочих, возвращение на транспорт всех железнодорожников, уволенных за поддержку советской власти, освобождение из тюрьмы рабочих, красногвардейцев и деятелей советской власти.

⁷ В декабре 1919 года на Атаманском хуторе был организован вечерний народный университет — первый в Омске и его окрестностях.

⁸ С февраля 1922 по май 1923 года А. С. Соколов — председатель правления Сибирского фотокинокомбината в Новониколаевске.

⁹ ЦДООСО, ф. 4, оп. 20, д. 4521, л. 4—7.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Соколов А. С. Три революции. Очерк истории революционного движения в России в XX в. Екатеринбург, 1924. С. 207.

¹² Профессора Пермского университета: Библиогр. указ. Пермь, 1991. С. 48.

¹³ ГАСО, ф. 2110 р, оп. 2, д. 31, л. 3.

¹⁴ Соколов А. С. Открытие Уральского государственного университета // Урал. рабочий. 1931. 20 нояб.

¹⁵ ГАСО, ф. 2110 р, оп. 2, д. 31, л. 8.

¹⁶ ЦДООСО, ф. 4, оп. 14, д. 147, л. 16—18.

¹⁷ Там же, л. 31.

¹⁸ ГАСО, ф. 2110 р, оп. 2, д. 31, л. 5.

¹⁹ Там же, л. 7.

²⁰ ЦДООСО, ф. 285, оп. 1, д. 5, л. 21 об.

²¹ ГАСО, ф. 2110 р, оп. 2, д. 3, л. 9.

²² См.: Папулов Г. Н. Второе рождение университета // Уральский государственный университет в воспоминаниях. Екатеринбург, 2000. С. 45—46.

²³ ГАСО, ф. 2110 р, оп. 2, д. 31, л. 8.

²⁴ ЦДООСО, ф. 285, оп. 1, д. 6, л. 153.

²⁵ Горняк (Свердловск). 1932. 7 янв.

²⁶ ЦДООСО, ф. 1068, оп. 1, д. 36, л. 9.

²⁷ Там же, л. 15—18.

²⁸ Культфронт Урала (Свердловск). 1931. № 11—12. С. 18.

²⁹ Богословский П. С. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебного чина: (По этнографической литературе и рукописным материалам Русского географического общества) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1927. Вып. 3. С. 60—61.

³⁰ См.: Богословский П. С. Из местных историко-литературных разысканий // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2.

³¹ ЦДООСО, ф. 1068, оп. 1, д. 37, л. 4.

³² Там же, д. 36, л. 3.